

E.Yu. Strigankova
The Phenomenon of
Communicative Relations
in the Communicative Situation
of the Information Society

This article analyzes comparatively two phenomena – communication and communicative relations – in the context of the communicative situation of the information society. The author reveals the peculiarity of the existential essence of modern social relations their valuable importance for social risks overcoming.

Key words and word-combinations: communicative activity, communication, social relations, communicative risks, information communicative space, communicative personality.

Дается сравнительный анализ феноменов коммуникации и общения в контексте коммуникативной ситуации информационного социума. Выявляется специфика экзистенциальной сущности современного общения, его ценностная значимость в преодолении социальных рисков.

Ключевые слова и словосочетания: коммуникативная деятельность, коммуникация, общение, коммуникативные риски, информационно-коммуникативное пространство, коммуникативная личность.

УДК 316.77:1:316
ББК 60.84+60.024

Е.Ю. Стриганкова

ФЕНОМЕН ОБЩЕНИЯ В КОММУНИКАТИВНОЙ СИТУАЦИИ ИНФОРМАЦИОННОГО СОЦИУМА

Коммуникативная деятельность осуществляется в процессе реализации социальных практик через различные формы связи, имеющие существенные отличия. Контекст социальных практик определяет коммуникативное поведение, которое может проявляться в двух моделях социальной коммуникации: «S-O» – трансляция информации – и «S-S» – трансляция существенных смыслов (Ч. Кули, Н. Элиас, К. Ясперс, Н. Бердяев, М. Каган). Соответственно этим моделям выделяются два вида коммуникативной деятельности – собственно коммуникация и общение.

В зависимости от данной классификации коммуникация и общение различаются по характеру отношений, характеру связи, способу структурной организации, матрице институционализации, форме существования и функциональным качествам социальных институтов.

По характеру отношений коммуникация имеет ярко выраженный практический, информационный характер, тогда как общение отличается преимущественно духовным и, в меньшей степени, информационным характером. *По характеру связи* коммуникация – это информационная связь субъекта с объектом, носящая опосредованный характер, а общение является личностной связью, рождающей общность или повышающей ее в процессе формирования новой информации, интересной и необходимой для общающихся субъектов. *По способу структурной организации* коммуникация как сообщение мо-

нологично, в отличие от общения, которое по своей структуре обязательно диалогично. По матрице институционализации коммуникация тоже отличается от общения. Институционализация коммуникации носит надындивидуальный характер и подразумевает упорядочение, формализацию и стандартизацию общественных связей и отношений. Институционализация общения проявляется в формировании социальных медиа и сетей, стремящихся монополизировать межличностное общение. Отличия существуют и по форме существования и функциональным качествам социальных институтов. Как институционализированная форма социального поведения коммуникация относится к типу сложных социокультурных и нормативно ориентирующих институтов. Общение же относится к типу простых церемониально-символических и ситуационно-конвенциональных институтов.

Несмотря на очевидную разницу, коммуникация и общение равно необходимы человеку, общественному развитию, культуре. Они имеют свои сферы действия и по-своему проявляются о всевозможных социокультурных ситуациях. Следовательно, необходимо отчетливо понимать, где и когда наиболее эффективны коммуникация, монолог, сообщение, а где и когда – общение, диалог, отношение к другому как к субъекту.

Развитие информационно-коммуникационных технологий и трансформация всей социальной структуры общества начала XXI в. привели к возникновению новой коммуникативной ситуации, которая характеризуется, с одной стороны, возрастанием значимости коммуникации в важнейших областях жизнедеятельности человека – экономике, политике, культуре; с другой стороны, усиливается противоречие между возможностями и границами коммуникации.

Суть внутреннего конфликта коммуникативной ситуации информационного социума, по нашему мнению, заключается в нарушении сбалансированности поведенческих моделей общения и коммуникации в пользу последней. Коммуникационно-информационная технократичность современного мира приводит к утрате духовности, и жизненное пространство личности лишается ценностных и, как следствие, морально-нравственных оснований. Нам представляется, что эффективным решением данного конфликта является актуализация общения как носителя духовной культуры и средства ее распространения в пространстве и времени. При этом феномен общения, по нашему мнению, определяется как процесс сущностной связи субъектов, в ходе которого происходит создание общих смыслов, приобщение к ценностям партнеров по общению [1, с. 61– 62].

Исследуя соотношение коммуникации и общения на разных этапах развития социума, следует принимать во внимание конкретно-исторический характер данного процесса, духовную ситуацию времени и материальные средства распространения и хранения информации, поскольку, с нашей точки зрения, именно эти параметры определяют специфику коммуникативного хронотопа. В связи с этим важным является исследование функционирования общения как средства распространения духовной культуры, передачи ее в пространстве и времени через непосредственные и опосредованные его формы по индивидуальным, групповым и массовым каналам усвоения.

Проведенный анализ показывает, что информационная насыщенность, сфера влияния коммуникации по отношению к общению возрастает соответствен-

но развитию общества, расширению производства и совершенствованию системы деятельности.

Итак, в каждую цивилизационную эпоху социальная коммуникация по-разному содержательно и по форме осуществляет распространение и усвоение духовной культуры, выступая одновременно и условием ее изменения. На низких ступенях развития она имела малую информационную насыщенность, не отличалась многообразием форм; в ней преобладали непосредственные контакты, определяемые территориальной близостью [2, с. 118, 120, 131]. В традиционном обществе коммуникативное пространство характеризовалось замкнутостью, количество членов коммуникации и циркулирующей между ними информации было ограничено, а коммуникативная деятельность определялась по принципу «свой – чужой». Актуализация мира «чужих» часто выходила за рамки потребностей сообщества «своих». Устное личностное общение ограничивалось территориально и во времени.

С изобретением такого средства коммуникативного взаимодействия, как письменность, усилилась информационная функция общения, хотя не все оценили, даже по прошествии времени, величайшую роль этого события для человечества. Так, Платон сетовал на пагубность распространения письменности. По мнению философа, люди в результате механического усвоения знаний по рукописным источникам, «будут казаться многознающими, оставаясь в большинстве своем невеждами, невыносимыми в общении, так как сделаются они не мудрыми, а мнимомудрыми» [3, с. 249].

Революционное значение письменной формы общения и в дальнейшем книгопечатания заключалось, во-первых, в расширении коммуникативного пространства, характеризующегося постоянно растущим числом участников коммуникации, а во-вторых – в изменении динамики передачи информации во времени, где интерактивный характер процесса коммуникации приобретает черты трансактного действия. Указанные изменения в конечном счете привели к возрастанию преемственности в развитии духовной культуры [4, с. 121].

С развитием индустриальной цивилизации, расширением производства и начавшимся процессом урбанизации меняется конфигурация коммуникативного пространства, диверсифицируются участники общения и виды коммуникативных практик. Процесс межличностного взаимодействия, интересы партнеров по общению выходят за рамки локального пространства. Коммуникативная деятельность утрачивает существенные свойства общения, все больше приобретает черты, специфические для коммуникации: ярко выраженный практический, информационный и опосредованный характер; монологичность структуры сообщения, направленного от субъекта к объекту; институциализированность социального поведения.

В постиндустриальном обществе развитие коммуникационных средств и технологий приобретает неведомые прежде масштабы. Доступность коммуникативного пространства и времени делает социальные связи более открытыми и одновременно более технократичными. К. Ясперс отмечает, что массовая коммуникация, массовое существование приводят к нивелированию культурных пространств, «псевдоединению». Культ коммуникационных технологий, игнорирование ценностных и морально-нравственных основ духовной культуры негативно влияет на духовно-практический характер общения, делая его уязви-

мым. Коммуникация в традиционной практической востребованности вытесняет духовное общение на периферию коммуникативных отношений постиндустриального социума.

В современной ситуации глобализирующегося мира продолжается непрерывное увеличение объема средств коммуникации и, как следствие, возрастание потока информации. Однако информационный характер коммуникации, позволяя реализовывать функцию информационной связи, контролирует лишь количественные показатели передаваемой информации. Качество транслируемого контента, его содержательная ценность и духовная значимость становятся вторичными по отношению к битам информации, перекачиваемой новейшими техническими средствами коммуникации. В результате возникает противоречие: в обществе не происходит ожидаемого роста духовной культуры непосредственно вслед за увеличением объема информации и расширением сферы общения. Электронно-индустриальная основа массовой культуры, на перспективу которой указывал Г.М. Маклюэн, в реальности привела к дисфункции системы коммуникации, создавшей новое рискованное пространство, которое в настоящее время обозначается как пространство коммуникативных рисков [5, с. 18].

Предлагается следующая классификация коммуникативных рисков информационного социума:

- риски информационной перенасыщенности;
- риски инструментализации коммуникации;
- риски преобладания стратегической рациональности;
- риски информационной маргинальности.

Риски информационной перенасыщенности. Интенсификация и усложнение человеческой деятельности и коммуникации, рост их многократной опосредованности в условиях научно-технической революции ведут к усилению нервного напряжения человека: он должен приспосабливаться к частой смене ситуаций, быстрее и точнее реагировать на различного рода сигналы, в сжатые сроки осмысливать огромный поток информации. В этих условиях стремление человека к сохранению эмоциональной непосредственности в ее первоначальной чистоте может привести к сильнейшим нервным стрессам, способным оказывать отрицательное и даже разрушительное воздействие на психическое и физическое здоровье.

Риски инструментализации коммуникации. В новой коммуникативной ситуации очевидна угроза обеднения и инструментализации коммуникации, подчиняющей гуманитарные цели человеческого общения служебным задачам его технического исполнения. Институты служат упорядочению, формализации и стандартизации общественных связей индивида, но институционализация коммуникации влечет за собой подчинение индивида логике функциональной и экономической целесообразности и, безусловно, обедняет человеческую коммуникацию [6].

В системе средств массовой коммуникации действие механизма инструментализации может дать обратный эффект и далеко не всегда рассматривается как нормальное и естественное явление. Соответственно происходит повышение социальной значимости общения не только на микро-, но и на макроуровне, расширение его информационной функции, усиление влияния на систему общественных отношений. Информационное общение представляет собой одновременно идеологию

ческое воздействие, которое может проявляться в тенденциозности при отборе информации, в целенаправленном воздействии на определенные социальные группы, в дезинформации и необъективной расшифровке сущности обратной связи.

Риски преобладания стратегической рациональности. В традиционных коммуникативных практиках взаимодействие выстраивается на определенном балансе эмоционального и рационального компонентов. Одним из социально-психологических изменений, порождаемых процессом социализации, оказывается тенденция торможения эмоциональной реакции и возрастание значимости рациональной составляющей, которая может в определенных ситуациях приобретать стратегический характер. Такое положение не означает эмоционального оскудения личности – речь в данном случае идет о степени непосредственного отклика на многочисленные внешние воздействия. Однако действие механизма торможения эмоциональной реакции, приводящей к деперсонификации психического контакта в условиях массовой коммуникации, имеет определенные границы своей оправданности. Безусловно, такое состояние отрицательно сказывается на межличностном общении, так как препятствует индивиду в удовлетворении потребности в человеческих контактах, служащих важным средством активизации его психической деятельности, реализации духовного потенциала.

Риски информационной маргинальности. Технизация коммуникации в эпоху глобализации облегчает осуществление коммуникации, но способна вести к отчуждению тех, кто имеет возможность коммуницировать глобально от тех, кто такой возможности не имеет. Вследствие этого искажается коммуникативный ландшафт общества: структура реального коммуникативного сообщества распадается на коммуникативные анклавы, в которых лидирующие субъекты коммуницируют за счет так называемых «информационных маргиналов». Таким образом, круг принимающих решения коренным образом отчуждается от круга тех, кому эти решения предназначены, а лишенные информации еще более отдаляются от тех, кто живет в условиях ее переизбытка. В основе данной группы коммуникативных рисков, с нашей точки зрения, лежит нарушение баланса между коммуникацией и общением. Коммуникационная перенасыщенность не поддерживается ростом духовной культуры, а объем информации не способствует качеству знания и уровню духовного развития личности.

Суть возникшей в коммуникативном пространстве информационного социума рискогенной ситуации заключается в конфликте между формой и содержанием социальной коммуникации в процессе становления и развития информационного общества. Данный конфликт требует разрешения как в формальном, так и в содержательном плане: по форме – появилась необходимость создания новой социальной структуры коммуникативного пространства, способной справиться с эффектом информационной перенасыщенности; по содержанию – обозначилась необходимость «реабилитации» общения в статусе вида коммуникативной деятельности, ответственного за аккумуляцию, хранение и передачу духовной культуры.

Сложившуюся ситуацию, считает А. Тойнби, следует оценить как проявление одного из инновационных направлений развития информационного социума, актуализировавшего его коммуникативную проблематику, и определенный коммуникативный «вызов», потребовавший адекватного «ответа».

«Историческим ответом на ситуацию коммуникационного переизбытка, –

отмечает А.В. Назарчук, – служит формированию сетевого общества – общества, ключевую коммуникативную роль в котором начинают играть сети, свободно формирующиеся объединения людей и групп по интересам. В отличие от традиционных социальных структур, сети способны воспринимать и самостоятельно создавать новые коммуникативные конфигурации, недоступные для традиционных институтов. Сетевое общество позволяет снабдить инновационные коммуникативные проекты соразмерными им и эффективными коммуникативными практиками» [6, с. 100– 101]. Следует отметить, что проблема формирования сетевого общества активно дискутируется в научной литературе. Среди множества мнений и теорий [7– 13] представляется интересной философская рефлексия феномена сети и сетевой коммуникации [14– 18] как одного из аспектов исследования коммуникационного общества.

Для разрешения проблемы содержания коммуникации, с точки зрения восстановления ее экзистенциальной значимости, следует обратить внимание на продуктивность преодоления коммуникативных рисков через воспитание личности, способной в системе самообразования, самовоспитания, творчества находить информацию, непосредственно работающую на совершенствование духовной культуры. Иными словами, новая коммуникативная ситуация продуцирует потребность в формировании коммуникативной личности нового типа – социально активной, обладающей коммуникативной и коммуникационной компетенцией.

Итак, культура и общение в своем развитии находятся в диалектическом единстве и постоянно взаимодействуют через многократно опосредованную коммуникационными структурами деятельность человека. Необходимо учитывать, что и элементы культуры могут выступать как посредники общения, благодаря чему общение может осуществляться, разворачиваясь из отдельных актов в процессы, приобретать стабильный характер.

Связь «общение – духовная культура» диалектична. Взаимопереход их функций обусловлен генетической связью культуры с человеческой деятельностью, где общение выступает в качестве необходимого элемента процессуальной характеристики многообразной деятельности, а культура является ее результирующим показателем. В этом контексте общение приобретает инфраструктурный смысл как специфическая коммуникативная практика, обслуживающая тот или иной вид социальной деятельности. Ценностным критерием проявления общения в данной функции выступает соответствие морально-этическим и гуманистическим требованиям культуры общения.

Библиографический список

1. Стриганкова Е.Ю. Социально-философские проблемы языка и коммуникации. Саратов, 2007.
2. Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1973
3. Платон. Избранные диалоги. М., 2004.
4. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М., 1986.
5. Устьянцев В.Б. Введение в социальную рискологию. Саратов, 2010.
6. Назарчук А.В. Новая коммуникативная ситуация: рождение сетевого общества // Философия и будущее цивилизации: тезисы докл. и выступлений IV Российского философского конгресса. Москва, 24–28 мая 2005 г.: в 5 т. М., 2005. Т. 3.

7. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ.; под ред. О.И. Шкаратана. М., 2000.
8. Burt R. The Social Capital of Social Holes // Guillen M., Collins R., England P. New Directions in economic Sociology. N.Y., 2001.
9. Гидденс Э. Устроение общества. М., 2003.
10. Кастельс М. Галактика Интернет. Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. М., 2004.
11. Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М., 2004.
12. Kadushin Ch. Introduction to Social Network Theory. N.Y., 2004.
13. Бурдье П. Социальное пространство: поля и практики. СПб., 2005.
14. Делез Ж., Гваттари Ф. Ризома // Философия эпохи постмодерна: сб. переводов и рефератов. Минск, 1996.
15. Таратута Е.Е. Философия виртуальной реальности. СПб., 2007.
16. Назарчук А.В. Сетевое общество и его философское осмысление // Вопросы философии. 2008. № 7.
17. Трубицын О.К. Формирование теории сетевого общества // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Философия. 2011. № 2.
18. Назарчук А.В. О сетевых исследованиях в социальных науках // Социс. 2011. № 1.

V.S. Ufaeva
Communicative Analysis
of Modern Political Space:
Approaches, Tendencies,
and Levels

Modern political space is studied on the basis of methodology of socio-philosophical science and communicative analysis. Approaches, tendencies, and levels are considered for research of informative and communicative interaction of the subjects in political space.

Key words and word-combinations: political space, communicative analysis, informative and communicative interaction.

Исследуется современное политическое пространство с точки зрения социально-философской науки и проводится его коммуникативный анализ. Рассматриваются подходы, тенденции и уровни, лежащие в основе методологии исследования информационно-коммуникативного взаимодействия субъектов политического пространства.

Ключевые слова и словосочетания: политическое пространство, коммуникативный подход, информационно-коммуникативное взаимодействие.

УДК 321.01
ББК 66.01

В.С. Уфаева

КОММУНИКАТИВНЫЙ АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА: ПОДХОДЫ, ТЕНДЕНЦИИ, УРОВНИ

Исследование проблем «социального» и «политического» пространства имеет достаточно продолжительную историю как в философии, так и в общественных науках в целом. Сегодня в социально-философском учении сложились две основные концепции пространства – субстанциальная и реляционная.

В рамках субстанциальной концепции (традиция Ш.Л. Монтескье) под политическим пространством понимается достаточно устойчивая среда, в которой функционируют политические системы и протекают политические процессы [1, с. 261]. Политическое